

**ПРОБЛЕМА НЕЗАВИСИМОСТИ В КОНТЕКСТЕ
ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ
«НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО»**

В статье раскрываются некоторые концептуальные аспекты проблемы национальной независимости и национального государства в работах отечественных и зарубежных авторов, проведен анализ соотношения между понятиями «нация» и «государство».

**PROBLEM OF INDEPENDENCE IN THE CONTEXT
OF THEORETICAL COMPREHENSION OF THE CONCEPT
“NATIONAL STATE”**

The paper reveals some conceptual aspects of the problem of national independence and national state in the works of domestic and foreign authors. The author analyses the correlation between the concepts “nation” and “state”.

На протяжении многовекового исторического развития Россия всегда являлась многонациональным государством, расширение ее границ осуществлялось главным образом за счет присоединения новых территорий, населенных различными этническими группами и народами. В то же время в современном мире существует много развитых государств, считающихся моноэтническими, хотя доля титульной нации в них значительно ниже, чем численность русских в России. В их число входят такие страны, как Великобритания, Франция, Испания, Израиль, в которых англичане, французы, испанцы и евреи составляют от 75 до 80%. Поэтому с точки зрения принципов мировой этнической статистики многонациональность России формально считается относительной, в действительности особенности ее внутреннего развития и национальной политики сформировали совершенно иное представление в общественном сознании у русского и других народов.

В самодержавной России долгое время проводилась достаточно взвешенная, сбалансированная национальная политика, отличавшаяся высоким уровнем толерантности, несмотря на то, что эта сфера находилась под сильным воздействием государственной религии. Причастность к ней одновременно служила основным признаком принадлежности к титульной нации огромного государства и являлась основой для зарождения великодержавных принципов управления окраинами. На этих принципах постепенно сформировалась идеология самоутверждения основной части

российского общества, которая, с одной стороны, защищала от униженности и повседневной безысходности, с другой – возвышала над представителями «инородческой» массы. Любой русский независимо от его социального положения чувствовал себя более значимой индивидуальностью по сравнению с выходцами из мусульманских или каких-либо других общин. Такое положение являлось основной причиной националистических вспышек в различных регионах страны, возникновения национальных конфликтов на Северном Кавказе и в Закавказье.

В этом контексте в России в конце XIX в. усилились националистические тенденции, наметилось устойчивое стремление к русификации национальных окраин, что в условиях становления и развития периферийной экономики и роста национальной интеллигенции очень сильно отражалось на самосознании народов, населявших российское государство. Этот процесс способствовал формированию у них собственной идеологии развития, которая зачастую идентифицируется с национализмом, поскольку именно он служит идейно-политическому обоснованию национального государства. В то же время до сих пор ученые не пришли к единому мнению о том, чем отличается национализм от национальной идеи, какую роль они сыграли в общественно-историческом процессе, каким образом соотносятся между собой понятия «государство» и «нация».

Пытаясь дать определение «национализму» как научной категории, английский исследователь У. Бейджгот признавал зна-

ние того, «что это такое, когда нас об этом не спрашивают», но тут же указывал, что «мы не можем без запинки объяснить и определить его» [11, с. 49]. Его современный соотечественник Э. Хобсбаум, широко известный своим вкладом в раскрытие сущности и роли национализма, считает что он «требует слишком твердой веры в то, что явно не соответствует действительности» [10, с. 24].

Для ряда отечественных историков характерно стремление вообще отказаться от самого понятия «нация», поскольку, на их взгляд, оно представляет собой политический лозунг и средство мобилизации. В. А. Тишков в этой связи утверждает, что оно состоит «почти из одних исключений, оговорок и противоречий». По его утверждению, как понятие «нация» утратила в современном мире всякое значение и стала фактически синонимом этнической группы» [9, с. 85]. Однако в большинстве случаев, особенно тогда, когда речь идет об исторических аспектах развития общества и общественных отношений, теоретическим дефинициям уделяется небольшое внимание. В политическом лексиконе термин «нация» чаще всего употребляется в смысле «нация-государство», т. е. нация рассматривается как форма самоорганизации человеческих сообществ, тесно связанных с определенным типом территориального образования. По мнению упомянутого выше Э. Хобсбаума, «рассуждать о нациях и национальностях вне этого контекста не имеет... никакого смысла» [10, с. 19].

Нередко в различных изданиях и в научных публикациях можно встретить рассуждения о национальных интересах, отождествляемых с государственными интересами. Такие сравнения вполне логичны и объяснимы. Они по большому счету исходят из устоявшегося понимания роли и функционирования Организации Объединенных Наций, которая воспринимается прежде всего как объединение государств. Как известно, членами ООН являются государства, которые представляют

свои народы. В соответствии с Международным Пактом о гражданских и политических правах, национальное государство рассматривается как фундаментальная категория мировой структуры. При этом достижение полного отождествления нации и государства возможно не всегда. Поэтому, чтобы не допустить нарушения прав меньшинств доминирующим национальным большинством, на чьей территории эти меньшинства проживают, одна из статей Пакта предусматривает, что «в тех странах, где существуют этнические, религиозные и языковые меньшинства, не может быть отказано в праве совместно с другими членами той же группы пользоваться своей культурой, исповедовать свою религию и исполнять ее обряды, а также пользоваться родным языком» [8, с. 27].

Нам представляется, что понимание нации, национальной принадлежности, национальной самосознания невозможно свести к какому-либо одному измерению с использованием однотипных критериев. В любом случае этнический компонент данного понятия будет присутствовать всегда, чтобы под ним не подразумевалось. В противном случае довольно сложно объяснить существование в одном государстве титульных наций и национальных меньшинств, коренных и некоренных народов, в то время как подавляющее большинство наций образовалось в процессе исторической эволюции вокруг одного доминирующего этноса. Приверженность граждан к своему государству и своей нации отнюдь не сводится к сугубо материальным и рационалистическим началам. В национальном самосознании, национальной гордости и других составляющих элементах понятия «нация» помимо научных, концептуальных атрибутов присутствует также нечто традиционное, символическое, ценностное. Нация адекватно самовыражается в собственном национальном государстве, которое в большинстве случаев, по мнению М. Вебера, служит «просто маскировкой очень сложного переплетения ценностных идей» [2, с. 600].

«Нация» — понятие многосложное, и в определенной степени его можно соотнести с понятием «этнос», выделяя при этом этапы движения к нации: племя, народность и т.п. Однако исследователи теории нации выделяют, как правило, два момента, отличающих нацию от этноса. Во-первых, существование нации предполагает не только территориальную и этническую, но и экономическую и политическую общность входящих в нее элементов. Во-вторых, при переходе от этноса к нации происходит замена регуляции отношений между людьми посредством обычаев и традиций на регуляцию через государственно-правовые нормы. В отличие от этноса, нация не может существовать без фиксированных на уровне основного закона отношений с государством.

Нация существует там, где люди сами верят в то, что они составляют таковую. Представители конкретной нации осознают себя общностью, которая отличается от других общностей не только принадлежностью к конкретной территории, ограниченной четко установленными государственными границами, но и по ряду других параметров. Важно, чтобы эту общность признавали представители других общностей. По этому поводу А. Г. Здравомыслов приводит очень красноречивый пример. По его убеждению, «русские только потому являются русскими, что существуют немцы, французы, американцы и другие национально-этнические группы, с которыми они постоянно себя соотносят и говорят: «Мы — русские, значит, мы не немцы, не французы, не американцы и т. д.». Автор считает, что «русские обладали бы иным национальным самосознанием, если бы не было, например, немцев в качестве врагов России и СССР в Первой и Второй мировых войнах. Немцы также обладали бы иным национальным самосознанием, если бы не опыт этих двух войн...» [3].

Наряду с этим в научных кругах распространено также мнение о том, что все нации без исключения должны иметь воз-

можность создать собственное государство. В конце XIX в. на волне популярных на тот период умонастроений в обществе известный швейцарский исследователь И. К. Блюнчли писал, что «в мире должно быть столько же государств, сколько в нем различных наций. Каждая нация должна иметь свою государственность, а каждое государство должно строиться на национальной основе» [7, с. 5]. Его единомышленники, основываясь на идее национального государства, рассматривали ее как неперемный атрибут демократии. Один из представителей либерализма Дж. Милль утверждал в этой связи, что «свободные институты почти невозможны в стране, объединяющей несколько национальностей. Необходимым условием существования независимых институтов, с его точки зрения, является совпадение в основных границах юрисдикции правительства и этнической территории». Он предпочитал говорить не о национальной, а о государственной грани понятия «нация» [4, с. 21].

На наш взгляд, такая трактовка проблемы вполне приемлема при соответствующих акцентах на правах наций на самоопределение. Здесь действительно уместен вопрос о том, почему одни народы имеют право на создание своего независимого суверенного государства и успешно реализуют его, а другие лишены такой возможности? С одной стороны, ответом может служить существующая мировая практика, согласно которой на земле практически не осталось национально однородных государств. Сегодня подлинно национальное государство с населением, состоящим из одного только этноса, является скорее исключением, чем правилом. С другой стороны, печальный опыт прошлого столетия со всей наглядностью выявил серьезные проблемы существования наций, которые стали предметом многочисленных конфликтов и националистических спекуляций.

Перед российским государством история неоднократно ставила проблемы, от решения которых напрямую зависела даль-

нейшая судьба наций на ее территории. При этом существует мнение, что в России только одна государствообразующая нация, с другой точки зрения, все населяющие ее народы считаются нациями. С точки зрения теории развития государства и нации существует, по крайней мере, два подхода к решению этого вопроса. Представители первого из них к субъектам исторического процесса относят этнические группы, а не государства. По их убеждению, нации складываются на основе объективных характеристик родовых, геополитических, культурных и других параметров, в силу чего государства призваны учитывать и выражать объективные интересы и потребности наций посредством политических рычагов и механизмов. Вторая концепция базируется на идее политического происхождения наций, благодаря активной деятельности государства. Государственная власть создает и формирует национальные интересы, основанные на территориальных, этнических и культурных предпосылках. Другими словами, государство создает нацию, не национальные движения порождаются интересами нации, а она сама является их производным.

В то же время любая нация обладает представлениями о национальных интересах, которые в концентрированном виде отражаются в стремлении к самоопределению. По этому поводу в научных кругах распространена убежденность в том, что в многонациональном государстве этнические общности «стремятся выбраться за рамки государства, в пределах которого они вынуждены жить. Это побуждает их к мятежу, требованию автономии, независимости или объединения с другим государством путем изменения границ» [12, с. 592]. Это означает, что нации по природе своей стремятся быть независимыми, для чего необходимо прежде всего не затрагивать чужие интересы. Однако даже соблюдение данной нормы отнюдь не гарантирует беспрепятственного существования нации, поскольку ее богатства, положение и

другие факторы могут попасть, и чаще всего попадают в зону интересов других государств.

Большинство европейских наций имеют опыт длительной исторической эволюции и формировались в пределах многонациональных государств. Консолидирующая роль принципа «нация-государство» проявлялась очень слабо, тем не менее практически каждый народ провозглашал его в качестве своей основной цели. Это обстоятельство оправдывалось, как правило, необходимостью создания национальной культуры, сохранения этнических традиций. Но в истории немало примеров, когда государство возникало намного раньше, чем сформировалась нация, правда, при этом государство становится мощным фактором консолидации этнических групп в нацию, оно организует и направляет ее экономическое, политическое и духовно-культурное развитие, становится основой укрепления национального самосознания. Процесс формирования нации непременно сопровождается развитием совершенно новых отношений в общественной жизни, неотъемлемыми атрибутами которых являются право, политика, идеология. Они структурируют национальную форму бытия. Нация, не обладающая всем набором средств и условий своего существования, стремится к их достижению, а при наличии таковых — к их сохранению при активной позиции государства.

В этом отношении немаловажное значение имеет то, что далеко не все существующие народы и этносы имеют возможности создавать и поддерживать жизнеспособные государственные образования, к тому же нет, и не может быть полностью независимых от внешнего мира стран. Это во многом объясняет многонациональность большинства из них. История не раз показала, что территориальный подход к решению национальных вопросов очень редко приводит к удовлетворительным результатам. Наглядными примерами служат проблема Косово в Сербии, курдский вопрос

в Иране, Ираке, Турции и Сирии. Они настолько сложны, что здесь не поможет никакая перекройка границ, она лишь усугубит ситуацию. Опыт распада СССР также указывает на то, что решение одних проблем в национальной сфере чревато появлением других, более сложных и трудноразрешимых. Не останавливаясь на подробностях, приведем мнение одного из видных западных специалистов в области национальных отношений Э. Хобсбаума. Применительно к государствам Закавказья он сделал вывод о том, что «дискриминация и даже угнетение, против которых протестовали западные защитники некоторых советских национальностей в конечном счете оказались гораздо менее ужасными, чем последствия краха советской власти» [10, с. 286].

Реальность такова, что, если бы все существующие нации, народы и этносы претендовали бы на создание собственных независимых государств, то неустойчивость миропорядка значительно бы усилилась, а само существование многих государств было поставлено под вопрос. Поэтому в стремлении к независимости необходимо учитывать целый ряд моментов, которые невозможно обойти при оценке реальных перспектив того или иного народа с точки зрения достижения национальной самостоятельности. Для более четкого понимания этой проблемы некоторые ученые наряду с общепринятыми понятиями «нация», «этнос», используют термин «потенциальная нация», полагая, что именно к этой категории относится большинство народов. Как уже отмечалось, сегодня количество государств существенно уступает числу этносов. Разницу между ними составляют потенциальные нации, но это не означает наличия соответствующего количества потенциальных государств. Их во много раз меньше, так как в действительности невозможно удовлетворить устремления всех этносов к созданию самостоятельных государств по целому ряду объектив-

ных причин, каждая из которых представляет собой сложное переплетение межнациональных и межгосударственных противоречий [13, с. 3–22].

Если взглянуть на этническую карту современной России, то на ее территории проживают народы, численность которых превышает один миллион человек, с другой стороны, имеются народы, в состав которых входит не более десяти тысяч и даже менее одной тысячи человек. Несмотря на это, каждый из них представляет собой самостоятельный этнос со своим языком, обрядами, обычаями, историей, традиционным образом жизни. Соотношение численности этносов, проживающих в России, не всегда было одинаковым. На конец XIX в. в Российской империи насчитывалось около 130 народов и народностей, среди которых русские составляли 43%. В советское время уровень русского населения Российской Федерации устойчиво превышал восьмидесятипроцентную отметку, а по переписи 1989 г. он составил 82,6% от общей численности населения республики. Кроме того, более 25 миллионов русских проживали в других союзных республиках. В национальных автономиях процент титульных наций был значительно ниже количества русскоязычного населения: в Республике Адыгея он составлял 22,1%, в Карачаево-Черкессии – карачаевцы – 31,2%, черкесы – 9,7%, в Калмыкии – 45,4% и т. д. [1, с. 49].

Однако исторически сложилось так, что названные и многие другие народы России проживали преимущественно на тех территориях, на которых они сложились как этносы, хотя мировая практика показывает, что этнические границы далеко не всегда совпадают с национально-территориальными и национально-государственными границами. История свидетельствует, что одна и та же территория нередко становилась местом формирования или проживания нескольких народов. Этот и некоторые другие факторы значительно снизили воздействие разницы между титульным этно-

сом и населением другой этнической принадлежности на расширение негативных тенденций в национальных образованиях в переходные периоды развития российского государства. К тому же применительно к Северному Кавказу, большинство этносов, кроме некоторых народов Дагестана, прежде всего аварцев, не имели до 1917 г. собственного опыта национально-государственного строительства, их национальная государственность была создана лишь в годы советской власти. Она выражалась в форме автономных республик, областей и округов.

После 1917 г., несмотря на провозглашенный лозунг национального самоопределения и острые дискуссии о принципах новой государственности, в России началось создание унитарного государства, внешне имевшего форму федерации. Образованные в ее составе национально-государственные и национально-территориальные автономии претерпели множество трансформаций, оставив без определенного ответа вопрос о том, являлись ли эти автономии оптимальным вариантом развития отдельных этносов и России в целом как многонационального государства. По этому поводу до сих пор нет однозначного мнения. Одни исследователи считают, что положительным результатом советского опыта государственного строительства является развитие у народов национального самосознания, появление собственных руководящих и технических кадров, эволюция культур, особенно для тех этносов, которые вступили в XX в., не имея своей письменности. Однако при этом не всегда учитывается то обстоятельство, что большинство рядового населения национально-государственных образований практи-

чески ничего не получило от тех привилегий и льгот, которыми пользовались их автономии.

Точка зрения о том, что национально-территориальная автономия является отнюдь не оптимальной формой решения национальных проблем небольших народов, появилась в постперестроечный период. А. Ю. Коркмазов по этому поводу указывал, что национально-территориальная автономия сыграла в первый период своего существования определенную роль в развитии экономики и культуры коренных народов Северного Кавказа, но в последующие годы «она превратилась в тормоз развития этих народов, так как носила аморфный и фиктивный характер» [5, с. 27]. В одной из своих работ он же высказывается более определенно о том, что «автономия республик и национально-территориальных образований как способ выражения национальных интересов народов была сведена на нет. ... Народы ничего не приобрели от провозглашения национальных автономий» [6, с. 65].

Вместе с тем проблема создания независимых национально-государственных образований также не способна решить все вопросы развития народов. На земном шаре их не имеет достаточно многочисленная группа этносов, хотя каждый из них стремится к этому. В мире проживает более двух тысяч этносов, расселенных в пределах порядка 200 государств. Если говорить о самой идее суверенного национального государства, то в истории это относительно новое явление. Она возникла и утвердилась в XVII–XVIII вв., когда на территории Европы складывались современные нации, которые формировали свою национальную государственность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Авксентьев А. В., Шаповалов В. А.* Этносоциальные проблемы России. – Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1994.
2. *Вебер М.* Объективность познания в области социальных наук и социальной политики // *Культурология XX века. Антология.* – М., 1995.

ИСТОРИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

3. *Здравомыслов А. Г.* Священность этноса или релятивизм национальной конструкции? // Социологический журнал. – 1998. – № 5.
4. *Кадиев Х. А.* Лекции по политологии. – Махачкала, 1995.
5. *Коркмазов А. Ю.* Гуманизм и социальная справедливость в национальных отношениях на Северном Кавказе. – Ставрополь, 1992.
6. *Коркмазов А. Ю.* Этнополитические процессы на Северном Кавказе. – Ставрополь, 1994.
7. *Линд М.* В защиту либерального национализма // Проблемы Восточной Европы. – 1995. – № 43–44.
8. *Международный пакт о гражданских правах.* – М., 1966.
9. *Тишков В. А.* Очерки теории и политики этничности в России. – М., 1997.
10. *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1870 года. – М., 1998.
11. *Bagehot W.* Physics and politics. – London, 1887. – P. 20–21.
12. *Rigge W.* Ethnonationalism the Modern State // Third World Quarterly. – 1994. – № 4.
13. *Smith A.* Gastronomy or geology? The role of nationalism in the reconstruction of nations // Nations and nationalism. – 1995. – March. – Part 1.